

Новая Польша 2/2004

0: ПАМЯТИ ПЕВЦА

Забыть могу ли образ тот,

Любимый всей душой?

Байрон

19 января днем я получил электронное письмо от своего друга. В письме была всего одна фраза: «Вот что случилось...» — и ссылка на один из российских сайтов в Интернете. Я щелкнул кнопкой мышки по ссылке и прочитал на сайте, что 17 января в Варшаве, не дожив месяца до своего 65 летия, умер Чеслав Немен. Не могу передать, как это событие опечалило меня, да и не одного меня.

О Чеславе Немене я впервые узнал в 1973 г., когда еще учился в школе. Как-то раз одноклассник дал мне послушать пластинку «Niemen Enigmatic». Один вид обложки пластинки произвел сильное впечатление. Длинноволосый человек, сидящий за Хэммонд-органом. На органе стоят горящие свечи. И взгляд этого человека, пронзающий насквозь, хотя глаза видны не очень отчетливо. На развороте обложки — польские тексты, тогда еще мало что мне говорившие. К одной из песен — на латинском языке. Серьезно сделано — подобных польских альбомов я до тех пор не встречал. Прослушав пластинку, я был просто потрясен, ошеломлен, покорен. Такого голоса и такой музыки я до этого не слышал. Конечно, я не знал тогда, кто такой генерал Бем, не знал имен авторов стихов к композициям, имен музыкантов — вообще в те годы я мало что знал о Польше. Эта пластинка изменила мое отношение к польской культуре кардинально. Немен показал мне истинные сокровища. Я (и не только я в России) открыл для себя неизвестную многим из нас великую культуру Польши, частью которой был гений Немена.

Я стал изучать польский язык, стал понимать, о чем он поет. Я открыл для себя выдающихся польских поэтов: Циприана Норвида, Адама Асныка, Казимежа Пшерву-Тетмайера, Марию Павликовскую-Ясножевскую, Збигнева Херберта и других. Я узнал замечательных польских музыкантов — Збигнева Намысловского, Михала Урбаняка, Чеслава Бартковского, чуть позже Юзефа Скшека и многих, многих серьезных польских музыкантов. Творчество Немена стало неотъемлемой частью меня самого, поэтому, приехав в середине 70 х в Польшу, я сразу же пошел в магазин грампластинок и купил все вышедшие к тому моменту пластинки Немена, включая «Катарсис».

К гастролям Чеслава в СССР в 1976 г. я уже много знал о нем, о его музыке (даже о музыке к театральным постановкам и фильмам), о его музыкальных (и не только музыкальных) взглядах. Насколько это было возможно в СССР, я следил за творчеством Чеслава Немена и ясно осознавал его уникальность в мире. Любил его музыку, как любили ее и многие люди моего поколения по всей России. Обложки его пластинок показали мне еще одну грань дарования Немена — художественную. Те, кто видел эти обложки, вне всякого сомнения согласятся со мной.

Мне довелось быть на московском концерте Немена в Театре Эстрады в 1976 году. Прямо скажу: подобного концерта не было в Москве еще многие годы после него. На концерт собралась вся интеллектуальная элита Москвы. В первом отделении Чеслав представлял композиции, вышедшие впоследствии в альбоме «Idée fixe». До сих пор помню, как он стоит на сцене, высвеченный софитом, со сборником стихотворений Норвида в руках и читает его стихи перед началом очередной музыкальной пьесы. Дальнейшая музыкальная часть не поддается пересказу словами. Во втором отделении Немен исполнил старые хиты и русские народные песни. Зал долго не отпускал его со сцены, он пел еще и еще, а мы, зрители, ощущали себя единым целым под «знаменем» гениального музыканта и человека.

К сожалению, после пластинки «Постскриптум» в России о нем было слышно мало. Но его пластинки до сих пор стоят на полках у многих серьезных ценителей музыки и до сих пор слушаются. Они не потеряли своей актуальности.

Хочется отметить, что в своей артистической жизни Немен вел себя очень достойно и независимо. Он не продавал себя. Делал то, что считал нужным, и так, как считал нужным. Мало кому это удавалось. Так, в 2001 г. он пожертвовал средства для школ Литвы.

И могу с уверенностью сказать, что 30 января, в день и час его похорон, по всей России люди, неравнодушные к мировой культуре, провожали Немена в последний путь, поставив на проигрыватели его пластинки (у кого что было).

Кем же был для моего поколения Чеслав Немен? Конечно, великим музыкантом и композитором, певцом, художником, поэтом, скульптором. Но, главное — человеком. Гуманистом, отдавшим весь свой талант людям. Человеком, сопричастным всем радостям и горестям нашего мира. Таким он для нас и останется. У Осипа Мандельштама есть такие строки:

Я не увижу знаменитой «Федры»

В старинном многоярусном театре...

Мне очень жаль, что я больше не увижу и не услышу новых работ Чеслава Немена. Но, прощаясь с Чеславом, я храню в душе надежду, что Немен навсегда останется в мировой культуре и наших сердцах. Люди во всем мире, испытывая чувство огромной благодарности польскому гению, сказали (каждый в своей душе):

— Спасибо тебе, Чеслав, прощай и покойся с миром!

1: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Лех Валенса стал лауреатом премии «Черноббю-Европа», присуждаемой за выдающийся вклад в развитие Европы. («Газета wyborcza», 20-21 дек.)
- Лешек Бальцерович: «Годы, прошедшие после краха социализма, Польша не потратила впустую. Об этом свидетельствуют результаты исследований, проведенных, в частности, Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития. С 1989 по 2002 г. рост нашего ВВП был самым большим по сравнению с другими бывшими социалистическими странами (30%, в то время как в России ВВП уменьшился на 35%, а на Украине — на 54%). За последние три года нам удалось стабилизировать цены (в Румынии и России инфляция до сих пор держится на уровне полутора десятков процентов). Мы входим в группу постсоциалистических стран с самым высоким ростом производительности труда в промышленности, а с этим показателем тесно связан рост реальной заработной платы. В 1989-2002 гг. на одного жителя Польши пришлось в 10 раз больше иностранных инвестиций, чем в России (но в 3,5 раза меньше, чем в Чехии). Детская смертность на тысячу новорожденных снизилась с 19 в 1990 г. до 8 в 2001 м; на Украине — с 18 до 17, а в России выросла с 17 до 18. Значительно уменьшилось также загрязнение окружающей среды. Этих результатов Польша достигла благодаря либеральным реформам, которые ограничили вредное влияние государства и дали людям свободу. Там, где преобразования были блокированы, выросли социальные проблемы». («Впрост», 31 дек.)
- Из новогоднего телевизионного обращения президента Александра Квасневского: «После нескольких лет застоя в экономике наступило заметное оживление. В 2003 г. ВВП рос в три раза быстрее, чем в 2002 м. Увеличивается экспорт, инфляция держится на низком уровне, вновь создается благоприятная атмосфера для инвестиций (...) Однако в картине уходящего года есть и темные тона. Слишком часто до нас доходили возмутительные сообщения об аферах и коррупции. Появились обоснованные опасения, что некоторые важные решения были приняты в результате незаконного лоббирования, а поведение лиц, занимающих высокие государственные посты, противоречило этическим нормам. Сомнения вызывал и стиль управления». («Газета wyborcza», 2 янв.)
- После трех лет застоя польская экономика обрела наконец второе дыхание. В третьем квартале 2003 г. ВВП увеличился на 3,9% — это был самый высокий рост начиная с 2001 года. Большинство экономистов сходятся в том, что за весь истекший год рост польской экономики составит 3,5% (как и было запланировано бюджетом) или даже несколько больше. Еще лучше выглядит перспектива на 2004 год. По прогнозам инвестиционного банка «Мерилл Линч», ВВП может увеличиться на 5,2%. Двигателем этого роста должен стать экспорт, которому благоприятствует ослабление злотого по отношению к евро и все лучшая мировая конъюнктура. («Ньюсуик-Польша», 4 янв.)
- Заместитель директора Института исследований рыночной экономики Богдан Выжникевич: «Статистические данные не оставляют и тени сомнения в том, что покупательная способность поляков увеличилась (...) Теперь после вычета страхового взноса и подоходного налога на среднюю месячную зарплату можно купить значительно больше, чем в 1989 г.: 1570 буханок хлеба (1017 в 1989 м), 574 кг сахара (245 кг), 68 кг свиного окорока (29 кг). Чтобы купить цветной телевизор, в начале преобразований надо было работать полгода, теперь

же на одну зарплату можно купить полтора подобных телевизора. Время накопления денег на автомобиль сократилось с 49 до 16 месяцев. Только в случае автомобильного горючего покупательная сила зарплаты осталась прежней. Коренным образом изменилась структура расходов, в которых уменьшилась доля продуктов питания (вследствие их экономного расходования и относительного снижения цен), зато увеличилась доля услуг. Услуги подорожали, появились и новые, которые при старой системе были недоступны». («Жечпосполита», 30 дек.)

- Только 0,1% поляков, т.е. 150 тыс. человек, уже сегодня зарабатывают столько, сколько составляет средняя месячная зарплата в богатейших странах Евросоюза, — свыше 20 тыс. злотых. 0,2% зарабатывают 15-20 тыс. злотых; 0,7% — 10-15 тыс.; 30,6% — 2,2-10 тыс.; 68,4% — менее 2,2 тыс. злотых. Средняя месячная зарплата возросла в Польше со 102 зл. в 1990 до 2160 зл. в 2003 году (1 доллар = 3,72 зл.). («Ньюсуик-Польша», 11 янв.)
- В январе минимальный размер оплаты труда вырос с 800 до 824 злотых. Однако работодатели могут предлагать более низкую зарплату выпускникам вузов: 659,2 зл. в первый год работы и 741,6 зл. на второй год. («Политика», 3 янв.)
- По мнению президента и экономистов, основные заслуги завершающего свой срок полномочий Совета монетарной политики (СМП) состоят в том, что ему удалось ограничить инфляцию и отстоять независимость центрального банка. С начала 1998 г. инфляция уменьшилась с 14,2 до 1,7% в год. Удалось также уменьшить дефицит текущих оборотов до безопасного уровня 2% ВВП. («Жечпосполита», 7 янв.)
- Премьер-министр Лешек Миллер попал в авиакатастрофу. Правительственный вертолет Ми 8 разбился в нескольких километрах от Варшавы, после того как вышли из строя оба двигателя. У премьер-министра сломаны два позвонка. Ранения получили также полтора десятка других пассажиров вертолета. По мнению экспертов, премьеру спасло жизнь только искусство пилота. («Тыгодник повсехный», 14 дек.)
- Примас Польши кардинал Юзеф Глемп: «Сегодня, спустя несколько дней после авиакатастрофы, мы не в состоянии полностью осознать, что хотел сказать нам Бог этим необыкновенным спасением: совершилось ли оно ради одного человека, было ли благодатью милосердия к группе или, может быть, предостережением многим». («Жечпосполита», 22 дек.)
- Директор больницы МВД Марек Дурлик: «Премьер-министр чувствует себя все лучше. Очень хорошо действует на него лечение низкими температурами — около -160°C». («Жечпосполита», 12 дек.)
- Обсуждение европейской конституции стало главной темой брюссельской встречи в верхах Евросоюза. Самым долгожданным гостем был премьер-министр Лешек Миллер, въехавший в зал заседаний на инвалидном кресле. Особенно тепло приветствовали его Герхард Шредер и Жак Ширак — главные противники Польши в дискуссии о конституции. «Польша не блокирует принятие конституции», — заверил Миллер. Однако он считает необоснованной замену системы голосования, принятой в Ницце, на новую, предусмотренную конституцией. Со всеми остальными положениями конституции польский премьер-министр согласен. («Жечпосполита», 13-14 дек.)
- «В «Мониторе польском» от 15 декабря напечатаны очередные заявления высокопоставленных чиновников правительства Лешека Миллера, признающих в сотрудничестве со спецслужбами ПНР (...) Возможно, не все люди, сотрудничавшие со спецслужбами, нанесли кому-то непосредственный ущерб (...) Однако уже само решение сотрудничать ставит под сомнение их моральное право служить демократической Польше (...) Премьер-министр Миллер не впервые назначил таких людей на высокие должности. Кроме того, против других его близких сотрудников ведутся люстрационные процессы. Жаль, что в подобных делах премьеру не хватает осторожности». (Кшиштоф Готсман, «Жечпосполита», 20-21 дек.)
- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «На протяжении многих лет престиж государственной власти в Польше падает. Большинство граждан не доверяет очередным правительствам (включая нынешнее). Обе палаты парламента тоже лишаются общественной поддержки вскоре после выборов. Не на лучшем счету и политические партии (...) Правда, местное самоуправление оценивается не столь негативно, но и по его адресу раздаются слова критики (...) Особое исключение, уже восемь лет подряд подтверждающее это печальное правило, составляет президент Польши. Уровень доверия к нему свидетельствует о том, что для поляков политическая сцена не однородна, что они подходят к ней рационально. Их озлобление — следствие не слепого бунта против государства, но трезвой оценки функционирования государственных структур (...) На политическую сцену все легче пробиться людям грубым, зачастую вульгарным, примитивным (...) На протяжении последних шести лет мы стали свидетелями методов, сильно напоминающих времена бесславной номенклатуры. Возрождается явление негативного отбора кадров. Все чаще в государственных учреждениях не

остается места для людей с высокими профессиональными качествами. Патологические явления проникают на низшие уровни власти (...) Мы должны осознать, что все мы — граждане одного государства (...) Политические партии, необходимый элемент демократического механизма, не имеют права рассматривать государство как свою собственность. В парламенте и правительстве они всего лишь прохожие, которые должны передать государственные дела своим преемникам в лучшем состоянии, чем они были в начале их срока полномочий». («Газета wyborcza», 3-4 янв.)

- Проф. Вацлав Вильчинский: «Централизм у нас снова процветает, а государство разваливается. Быстрее всего растут бюджетные расходы на управленческий аппарат, причем главным образом центральный (...) Польские преобразования до сих пор не привели к формированию гражданского общества, так как мы не смогли преодолеть централистскую ментальность, которая продолжает оказывать огромное влияние на системные решения, законодательство и государственные финансы». («Впрост», 31 дек.)
- Пока что депутаты рассмотрели только 32 из 225 статей закона о государственных заказах, без которого Евросоюз не откроет Польше доступа к структурным фондам. Выполнению условий, поставленных Брюсселем, препятствуют многочисленные взяточнические и отраслевые связи. «Госзаказы — главный источник коррупции в нашей стране», — говорит председатель экономической комиссии Сейма, депутат «Гражданской платформы» Адам Шейнфельд. («Жечпосполита», 20-21 дек.)
- «Каждый четвертый конкурс, объявляемый учреждениями, распоряжающимися государственными средствами, заканчивается аннулированием (...) Часто результаты конкурсов аннулируются, чтобы обойти правила распределения госзаказов. Многие из участвующих в конкурсах фирм несут из-за этого серьезные убытки (...) Неясные правила позволяют довольно свободно формулировать условия конкурсов и в результате выбирать победителей по своему усмотрению (...) В Сейме продолжается работа над дополнениями к закону о государственных заказах. Явная задержка с улучшением законодательства в этой области тоже начинает вызывать подозрения». (Кшиштоф Бень, «Жечпосполита», 6 янв.)
- «Из достижений последних лет стоит отметить: изменение законодательства; создание сильного фронта неправительственных организаций, контролируемых принимаемых правительством стратегии; реакцию на сообщения СМИ, которые раньше отскакивали от политиков как от стенки горох. Запутанные связи парламентариев и чиновников с предпринимателями наконец-то стали компрометировать представителей власти (...) Каждое злоупотребление властью, выставленное на всеобщее обозрение, обладает сегодня огромной убойной силой. Что-то все-таки изменилось». (Янина Парадовская, «Политика», 10 янв.)
- Международная федерация журналистов обвиняет польские власти в попрании принципов журналистского расследования. Польские суды выносят приговоры, запрещающие публиковать тексты о конкретных проблемах. Федерация считает, что тактика использования судов для предотвращения дискуссий на общественно важные темы не выдерживает никакой критики. Кроме того федерация напоминает, что подобные ухищрения — уже не первая попытка польских властей заткнуть рот прессе. («Жечпосполита», 10 дек.)
- Вице-маршал Сейма Томаш Наленч: «Коррупция характерна тем, что она разъедает и того, кто дает, и того, кто берет, а в конечном итоге — все государство (...) Серьезные инвесторы принимают во внимание разные факторы: инфраструктуру, налоговую систему, стоимость труда, но для них важно и общее мнение о стране. Если оказывается, что инвестор дал в Польше взятку, это сильно вредит его репутации на родине (...) Если даже он не давал взятки, но инвестирует в стране, подозреваемой в «структурной коррупции», его репутация все равно подорвана: каким чудом он мог вести там свои дела честным образом? (...) Польша стоит перед драматическим выбором: либо она хочет быть страной, достойной доверия, где осуществляют инвестиции серьезные предприниматели, либо страной, привлекающей исключительно спекулятивный капитал, от которого ничего хорошего ждать не приходится». («Газета wyborcza», 15 дек.)
- «Польский союз охотников — могучая сила во властных сферах. В среднем один охотник приходится в Польше на 360 граждан, но в парламенте число охотников поистине огромно: каждый шестой депутат и сенатор — член ПСО (...) Больше всего охотников в рядах «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и крестьянской партии ПСЛ. В партиях нового поколения, таких, как «Гражданская платформа», их количество ничтожно. Это наследие новейшей истории Польши, когда охота означала принадлежность к истеблишменту. Правые депутаты относятся к этому прохладно. Однако пользу охоты оценили парламентарии последнего набора, особенно депутаты «Самообороны». Именно Альфред Буднер, первый охотник в партии Леппера (...) основал парламентскую Группу охотников и друзей охоты, в которую входят 78 человек, в т.ч. значительная часть фракции «Самообороны»». (Агнешка Рыбак, «Политика», 3 янв.)

- Сейм принял закон об опытах на животных. Тестирование косметических средств на животных не будет запрещено. Этические комиссии не смогут контролировать ход экспериментов. «Один раз президент уже наложил вето на закон, разрешающий использовать для опытов бездомных животных. Надеюсь, что, когда ему принесут на подпись этот закон, он проявит такую же чуткость». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 19 дек.)
- 44% поляков считают польскую систему власти патологической. 13% убеждены, что страной правят скрытые силы (духовенство, евреи, иностранный капитал, люди старой системы). 41% не выразил негативных эмоций, а просто перечислил органы власти, учреждения или организации. («Политика», 3 янв.)
- Директор Института истории социологической мысли Варшавского университета Павел Спек: «В польской иерархии конфликтов на первый план выходит антагонизм между обществом и политической властью. Самое сильное раздражение общества вызывают вовсе не люди, достигшие финансового успеха. Мы ценим их за смелость, способность идти на риск, хотя многие все еще склонны считать, что их успех в значительной мере зависит от связей и знакомств. Только 30% из нас доверяют предпринимателям (...) Дихотомический образ мира: «мы», общество, против «них», власти, — напоминает времена ПНР». («Впрост», 4 янв.)
- На 70 тыс. человек, т.е. почти наполовину, уменьшилось количество членов СДЛС после верификации. («Жечпосполита», 6 янв.)
- Согласно опросу ЦИОМа, католической Церкви доверяют 75% поляков, а не доверяют 22%. По мнению 41% опрошенных, сейчас влияние Церкви на политическую жизнь как раз такое, как должно быть; 48% считают, что оно слишком велико, 7% — что слишком мало. 56% поляков считают, что власти должны руководствоваться социальным учением Церкви. 36% придерживаются противоположного мнения. («Газета wyborcza», 11 дек.)
- По данным опроса ЦИОМа, если бы парламентские выборы прошли в начале декабря 2003 г., «Гражданская платформа» набрала бы 26% голосов, СДЛС — 17%, «Самооборона» — 13, «Право и справедливость» — 12, «Лига польских семей» — 8, крестьянская партия ПСЛ — 6%. («Жечпосполита», 23 дек.)
- Депутат Эугениуш Чиквин: «Несмотря на определенные сдвиги, обещанный Лешек Миллером перелом в восточной политике так и не наступил. Правда, премьер поехал на торжества по случаю 60 й годовщины битвы под Ленино — честь и хвала ему за это, — но в беседе с премьер-министром Белоруссии он не затронул ни одного вопроса, существенного для интересов обоих государств». («Пшегленд православный», ноябрь)
- Из интервью с украинским историком проф. Ярославом Грицаком: «Опросы общественного мнения показывают, что на вопрос, какое государство должно быть для Украины примером, чаще всего мы отвечаем: Польша. Россию называют редко, так как она погружена в кризис, а Польша добилась успеха в политических и экономических преобразованиях (...) Я часто повторяю, что украинский национализм — отражение польского, а украинские националисты — примерные ученики польских националистов». («Тыгодник повсехный», 21-28 дек.)
- Д-р Адольф Юзвенко, директор вроцлавского Национального института им. Оссолинских: «Я могу лишь надеяться, что следующее поколение украинцев будет относиться к полякам по-другому. Сейчас украинцы относятся к нам с недоверием, подозревают, что мы смотрим на них свысока, и это вызывает у них неприязнь. Когда я разговариваю с молодыми украинцами, у меня такое впечатление, что им легче понять наши притязания [касающиеся возвращения собраний львовского музея Любомирских]». («Жечпосполита», 20-21 дек.)
- «Европейская перспектива Украины — вызов Киеву, Брюсселю и Варшаве» — так называлась прошедшая в Варшаве польско-украинская конференция. Из выступления Адама Михника: «Когда президент Квасневский говорит украинцам: «Можете рассчитывать на Польшу», — он говорит это от имени подавляющего большинства поляков (...) Размышляя о том, что происходит сегодня с Литвой, Грузией, Белоруссией, Молдавией, невольно задаешься вопросом: смирились ли российские верхи с тем, что Киев и Донецк — это уже не Россия?» («Газета wyborcza», 19 дек.)
- Бывший министр иностранных дел проф. Бронислав Геремек: «Российское общество выразило согласие на авторитарную форму правления. Из Думы исчезли демократические партии, зато широкую поддержку получили партии радикальные, именуемые в России «коричневыми» (...) Для Польши развитие ситуации в России не представляет опасности. Но Россия осуществляет свою политику в т.н. странах «ближнего зарубежья», т.е. в постсоветском пространстве, в которое, к счастью, не были включены прибалтийские республики, в чем есть и наша заслуга. Если в России будет царить авторитарный режим, все постсоветское пространство будет охвачено политикой имперской зависимости (...) Зная Россию и желая, чтобы она была нам дружественна, мы должны отстаивать мнение, что только демократическая Россия гарантирует стабильную и мирную обстановку.

Имперская и авторитарная Россия в долгосрочной перспективе представляет опасность». («Газета выборча», 20-21 дек.)

- «Если Россия будет лелеять имперские амбиции, то дезинтеграция Евросоюза и отдаление таких государств, как Польша и страны Прибалтики, от государств-основателей ЕС будет отвечать ее интересам (...) Чем больше Евросоюз будет раздираем внутренними конфликтами и местническими интересами, тем больше можно опасаться восточных интриг, в результате которых Польша окажется главным проигравшим (...) В интересах Польши заботиться о том, чтобы за нашей восточной границей побеждали демократические стандарты. Это лучшая гарантия нашей безопасности». (Петр Семка, «Газета польска», 17 дек.)

- По обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства арестован поручик польской армии из Военной информационной службы. Особый интерес вызвали предназначенные для передачи российской разведке документы и сведения о планах размещения в Польше баз НАТО и дислокации войск в связи с передвижением границы Евросоюза на восток. Следствие было возбуждено 27 декабря, а арест произведен уже 29 го. («Газета выборча», 31 дек. — 1 янв.)

- «Польша в недостаточной степени участвует в развитии России, хотя мы можем предложить очень многое», — говорит Марек Оцепка, начальник торгово-экономического отдела посольства Польши в Москве. На прошедшей в Москве совместной конференции российские и польские предприниматели обсуждали развитие экономических контактов в контексте расширения Евросоюза. («Газета выборча», 22 дек.)

- Стефан Братковский: «Никита Михалков бьет поклоны новому царю и рад бы освободить его от проблем, связанных с выборами. Тем большее значение приобретает наша единственная связь с российской интеллигенцией — неоценимый журнал Ежи Помяновского «Новая Польша». Стоит приглашать в Польшу его русских авторов, таких, как Александр Липатов, — пусть преподают у нас. А может, кто-нибудь подумает и о почетной докторской степени для Александра Яковлева, о польских орденах для людей из «Мемориала», которые самостоятельно, в полудетективных обстоятельствах, нашли закопанные в Медном останки поляков». («Жечпосполита», 13-14 дек.)

- «С искренним энтузиазмом рекомендую читателям книгу «Русские мыслители» — классический труд одного из самых выдающихся историков мысли минувшего столетия Исаяи Берлина в переводе Сергиуша Ковальского, впервые изданную в Польше издательством «Прушинский и К°». (Бронислав Вильдштейн, «Жечпосполита», 13-14 дек.)

- В Международный день прав человека были подведены итоги конкурса на лучший текст о правах человека. Журналистскую премию «Международной Амнистии» за 2003 г. получила Кристина Курчаб-Редлих за опубликованную в «Газете выборчей» статью «Демократия из плоти и крови» о положении в Чечне. («Газета выборча», 15 дек.)

- В Ираке погиб второй польский военнослужащий — на этот раз от случайного выстрела товарища во время чистки оружия. Двое поляков получили ранения при нападении на их патруль в районе Хиллы, а еще двое — при теракте в Карбале. («Тыгодник повшехный», 4 янв.)

- В Ираке под польским командованием служит 10 тыс. солдат из 23 государств. Помимо Польши самые многочисленные контингенты прислали Украина и Испания. Украинская бригада отвечает за положение в провинции Васит, а испанская — в провинциях Наджаф и Кадисия. Поляки вместе с болгарями, венграми, румынами, филиппинцами, тайландцами, монголами, казахами, латвийцами, литовцами и словаками отвечают за провинции Бабиль и Карбала. Испанскую бригаду поддерживают солдаты из Доминиканской Республики, Сальвадора, Никарагуа и Гондураса. Кроме того в штабе дивизии служат офицеры из Голландии, Дании, Норвегии, США, Великобритании и Италии. («Жечпосполита», 6 янв.)

- «Армия, которая за границей считалась устаревшей и отсталой, а в собственной стране была предметом насмешек, в Ираке прекрасно справилась со своей задачей (...) Шестимесячное пребывание в Ираке 2,5 тыс. польских солдат и организация международной дивизии завершились успехом, что было воспринято в Польше чуть ли не как очевидность (...) Миссия в Ираке показала, что поляки способны запланировать и провести крупную операцию. Польша обладает достаточным потенциалом и может быть верным союзником и партнером (...) Мы добились успеха, организовав международную дивизию и командуя ею в Ираке, но теперь перед правительством стоит еще более трудная задача: оно должно подготовить сценарий вывода войск из Ирака. Это должно происходить спокойно и постепенно, так, чтобы наше пребывание в этой стране завершилось полным успехом». (Павел Вронский, «Газета выборча», 7 янв.)

- «Польская гуманитарная акция» осталась в Ираке даже после того, как оттуда из-за терактов уехали сотрудники «Красного креста». Основательница ПГА Янина Охойская говорит: «Мы снимаем в Хилле глиняный дом, за который платим 300 долларов в месяц. В каком состоянии он находится, мы убедились во время первой же грозы: в трех местах нам пришлось поставить тазики, так как с потолка текло. Но там есть теплая вода (мы поставили бойлер), есть туалет, электричество, телефон. Зато телевизора и других вещей, предназначенных только для развлечения, у нас нет. А таких машин, как наша, здесь очень много. На этой машине нет нашего знака. Соседи относятся к нам как к своим, потому что знают, чем мы занимаемся, и видят, как скромно мы живем. Когда начались террористические нападения на разные организации, жители нашей улочки сказали, чтобы мы не беспокоились: они будут следить, чтобы чужие здесь не околачивались. А наш район даже подарил нам полицейского, который ночью дежурит во дворе (...) Первым проектом был ремонт 16 школ. Затем мы отремонтировали молодежный центр в Хилле. У нас уже есть средства на ремонт следующих трех центров, а еще три мы планируем отремонтировать в будущем. Вместе получается семь. Мы уже собрали деньги на ремонт первого детского спортивного центра и трех школ в провинции Васит. Кроме того, мы будем ремонтировать шесть водозаборов». («Газета wyborcza», 17 дек.)
- Уже десять лет существует Большой оркестр рождественской помощи. За это время ему удалось собрать 44 млн. долларов, на которые было закуплено новое диагностическое и реанимационное оборудование для 650 детских больниц и поликлиник. Оркестр тратит на уставные цели 92% собранных денег (в США расходы на содержание фондов поглощают 40% средств). Принцип его благотворительных мероприятий заключается в том, что 10% самых богатых дают 70% денег. Ежи Овсяк мобилизует миллионы мелких жертвователей и в то же время принимает пожертвования от крупных предприятий, для которых это выгодная инвестиция. Оркестр рождественской помощи — единственная благотворительная акция, показываемая в прямом эфире общественным телевидением, которое в день трансляции собирает перед экранами рекордное количество зрителей. В этом году Польское телевидение выделило для трансляции 20 машин и 100 съемочных групп с 200 камерами. В фонде оркестра постоянно работают 16 человек, но его главный капитал — волонтеры: в этом году в благотворительной акции будут участвовать 100 тыс. добровольцев. («Впрост», 11 янв.)
- В прошлом году каждый третий поляк передал деньги или дары какой-либо неправительственной организации. Охотнее всего поляки поддерживали организации, несущие помощь самым бедным, — на них приходится 47% жертвователей. Религиозным общинам и движениям оказали материальную поддержку 27% жертвователей, организациям здравоохранения — 18%, образования — 13%, общественным движениям и акциям — 12%, экологическим организациям — 5%, организациям по защите прав человека, меньшинств, женским и ветеранским организациям — по 1%. Опрос проведен обществом «Клен-Явор» и Волонтерским центром. Опрашиваемые могли выбрать несколько ответов. («Жечпосполита», 2 янв.)
- В 2003 г. около 5,3 млн. поляков безвозмездно работали в неправительственных организациях. Чаще всего волонтеры работали от случая к случаю (почти половина опрошенных работала по 15 часов в год). Чем меньше местность, тем больше в ней волонтеров: в деревне — 17,4%, в маленьких городках — 19,7%, а в Варшаве — только 11,1%. («Газета wyborcza», 22 дек.)
- В 2002 г. иностранцам было выдано 23 тыс. разрешений на работу. Больше всего заявлений об этом подали граждане Украины (6955), Белоруссии (2715) и России (2011). Поступило также 1138 заявлений о предоставлении постоянного вида на жительство. Чаще всего их подавали граждане Вьетнама (240), Украины (155) и России (106). В 598 случаях эти заявления были рассмотрены положительно. Статус беженцев хотели получить 5169 человек. Чаще всего это были граждане России, Румынии и Армении. («Политика», 13 дек.)
- «Некоторые польские крестьяне поджигают хозяйства своих соседей-иностранцев еще до того, как успевают с ними познакомиться. Согласно исследованиям профессора Варшавского университета Эвы Новицкой, агрессивность и неприязнь соседей коснулась 82% иностранцев, купивших землю в бывших госхозах, и только 3,5% — поселившихся в регионах, где преобладают семейные хозяйства». (Томаш Кшижак, «Впрост», 4 янв.)
- Президент (мэр) города Бяла-Подляска Анджей Чапский утверждает, что в муниципалитет должны избираться только «коренные поляки». Несмотря на это, один из депутатов городского совета, Риад Хайдар, известный и уважаемый врач, — по происхождению сириец. («Жечпосполита», 12 дек.)
- К штрафу в размере 2,5 тыс. злотых приговорил белостокский суд двух молодых мужчин за публичное оскорбление еврейского народа и посла Израиля. («Газета wyborcza», 18 дек.)
- Еще шестеро поляков получили медали и дипломы «Праведник среди народов мира», присуждаемые иерусалимским Институтом национальной памяти «Яд-Вашем» за спасение с риском для жизни евреев во время II Мировой войны. Из 18 тыс. «праведников» 6 тысяч — поляки. («Жечпосполита», 8 янв.)

- Президент Александр Квасневский наградил завершающего свою дипломатическую миссию в Польше посла Израиля Шеваха Вейса Большим крестом ордена Заслуги. «Я хочу поблагодарить Шеваха Вейса за то, что он, родившийся в Бориславе и переживший Катастрофу, никогда не отрекался от своих родных мест и от народа, вместе с которым пережил эти трагические события», — сказал президент, напомнив также, что в бытность парламентарием и председателем Кнессета Вейс закладывал основы польско-израильского сотрудничества. Родившийся в Польше Вейс пережил войну благодаря помощи поляков и украинцев, укрывавших его семью. («Газета wyborcza», 10-11 янв.)
- Уполномоченный по гражданским правам обвинил прокуратуру в неадекватной реакции на участвовавшие случаи пропаганды и распространения литературы антисемитского содержания. Он потребовал объяснений у генерального прокурора и предложил внести изменения в соответствующую статью УК. («Жечпосполита», 10 дек.)
- Проф. Веслав Хшановский, участник Варшавского восстания, бывший политзаключенный и (в 1991-1993 гг.) маршал Сейма: «Сегодня нам очень недостает всеобщего понимания, что такое подлость, и соответствующей реакции на нее». («Газета wyborcza», 20-21 дек.)
- «Если кружевница умеет делать только трусики, она не может быть принята в Общество народных умельцев. Если же кроме трусиков она плетет и другие кружева, ее примут. Однако это не означает, что изготовленные ею трусики будут рассматриваться как предмет народного творчества», — заявил директор Анджей Цёта. Одна из старейших создательниц знаменитых коняковских кружев возмущается: «Эти трусы такие дырявые, что все через них видно. Не бывать тому, чтобы коняковские кружева были и на алтаре, и, простите, на заднице!» («Газета wyborcza», 15 дек.)
- В большинстве варшавских гостиниц для животных все места на Рождество и Новый год уже забронированы. Свободные места остались лишь в немногих. Например, гостиница в Таргувеке (район Варшавы) может принять 21 собаку и 15 кошек. Сутки в гостинице стоят 20 злотых, если собака маленькая, и 25 злотых — если большая. За кошку нужно заплатить 15 злотых в сутки. Каждая гостиница требует, чтобы хозяин собаки принес ее коврик и намордник. Как собаки, так и кошки должны иметь действительную ветеринарную карточку и справки о прививках. («Газета wyborcza», 19 дек.)
- Президент Варшавы Лех Качинский создал при Варшавском городском управлении должность уполномоченного по делам животных и обратился к жителям города с призывом «помочь живущим на воле кошкам пережить зиму». Качинский просит оставить им доступ к их естественным убежищам в застроенных районах (подвалам и неиспользуемым подсобным помещениям) и выделить открытые помещения, в которых кошки могли бы находиться под присмотром кормящих их людей. Некоторые из местных телеканалов и газет встретили призыв президента насмешками, другие начали сотрудничать с новым уполномоченным. («Котье sprawy» («Кошачьи дела»), январь)
- Сатирик Станислав Тым: «По телевизору показали короткий репортаж о предпраздничном отлове карпов в Домброве-Тарновской [жареный или заливной карп — традиционное польское рождественское блюдо], отчаянную борьбу за жизнь рыб, задыхающихся от переизбытка кислорода. А до этого в печати были фотографии кабанов, косуль и зайцев, целыми днями мучительно умиравших в силках и капканах. И статьи о том, что и как делается на польских бойнях... Всё. Извините. Я ведь собирался поздравить вас с Рождеством». («Жечпосполита», 24-26 дек.)

2: КАРЬЕРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ

Из столиц трех государств, захвативших Польшу, пожалуй, самой дурной славой пользовался Берлин. Как отмечается практически во всех мемуарах и в художественной литературе, он вызывал в поляках отвращение и страх, смешанный с кислым восхищением «прускими порядками». Юзеф Вейсенгоф писал в 1911 г., что символом таких столиц, как Афины, Париж, Гаага или Вена, считаются женщины. Однако невозможно представить себе женскую персонификацию Берлина. Символ этого города — существо «решительно мужского рода, сильное, тучное, с мощного вида животом, обязательно в военной форме, опирается на крест без Христа, конец которого переходит в острие меча...»

В Вену, столицу оперетты и легких романов, ездили за нарядами, гулять и в надежде сделать большую политическую карьеру. Красочно описывает это, в частности, Казимеж Хлендовский. А ведь он не был единственным поляком, занимавшим министерские посты или даже пост премьер-министра в правительстве как-никак одной из стран, захвативших Польшу. И никто из соотечественников не имел к ним за это претензий.

С отношением к Петербургу дело представлялось не столь простым. С одной стороны, его отождествляли со всей деспотической империей, царским самодержавием и варварской муштрой солдат. Однако, с другой стороны, он ассоциировался с блеском двора, а также с возможностью занять высокие и выгодные должности. Оба эти стереотипа иногда встречаются у одного и того же автора. Превосходно представил это Мицкевич, написав о сановниках, которые временно попали в опалу:

Но если был неласков царский взгляд...

...хоть скверное почует,

Не сляжет он, не всадит в горло нож.

А только в свой удел перекоちует,

В деревню...

.....

И смотришь, он уж снова фаворит.

(Пер. В.Левика)

Как установил Людвик Базылёв, с конца XVIII столетия до начала I Мировой войны в Петербурге побывало почти четверть миллиона поляков; одни провели там всего несколько недель или месяцев, другие — всю жизнь. Судьба их была весьма различной. Следует сказать без обиняков: Петербург, описанный в III части «Дзядов», и Петербург в ностальгических воспоминаниях госпожи Телимены из «Пана Тадеуша» — это два разных города. Кто же не помнит ее рассказа о наказании, доставшемся виновным в гибели ее любимой болонки: борзых, которые ее загрызли, повесили, а их хозяина на четыре недели посадили в острог. Ведь он осмелился, к неслыханному возмущению полицмейстера, спорить с «придворным егермейстером», который назвал собачку «ланью стельной», затравленной «под носом у царя». В рассказе Телимены и «сам государь смеялся» над затруднением мелкого чиновника и наказанием, которое его постигло.

Среди польской колонии в Петербурге Телимена называет лишь одну фамилию — художника Александра Орловского (1777-1832), который хотя и «жил при дворе и славой мог гордиться... жил как в раю», тем не менее тосковал по отчизне:

Считал, что нет земли на белом свете краше,

Он все в Литве хвалил: и лес и небо наше...)

Действительно, в столице империи он вел райскую жизнь, был придворным живописцем великого князя Константина Павловича, получал огромное годовое жалование в четыре тысячи рублей, имел квартиру в Мраморном дворце. В период Отечественной войны 1812 года он писал портреты русских полководцев (в том числе Кутузова и Дениса Давыдова). На одной из его картин — впервые в русской батальной живописи — главным героем стал простой солдат. Но никогда он не писал польских пейзажей. Со смертью великого князя, который, как считается, умер от холеры (многое заставляет предполагать, что Константина отравили с ведома царя), эта идиллия закончилась. Орловскому пришлось покинуть Мраморный дворец, однако он выхлопотал себе у Николая I назначение в топографическую службу при Генеральном штабе, а также пенсию.

Мелкий чиновник, жестоко поплатившийся за спор с придворным егермейстером Козодусиным, стал неким прообразом многих героев произведений Гоголя, а потом Чехова. Чтобы до конца их понять, надо поехать в Петербург, где легко можно представить себе скромных Башмачкиных, робко пробирающихся вдоль стен великолепных зданий, в которых располагались Важные Учреждения (часть из них, кстати, была построена по проектам польских архитекторов). «Ни в одном другом городе не было такого количества чиновников, а поскольку они имели особую форму, которую носили охотно и в повседневной жизни, то на улицах буквально пестрело от самых различных мундиров», — вспоминает Люциан Бохвиц, который в 1885 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Наша литература, посвятившая больше всего внимания неудачникам, никогда не прославляла людей, сделавших карьеру. Те, кто сделал карьеру, предстают в литературе как бесстыжие каналы, в лучшем случае аферисты и сибариты. Достаточно вспомнить равнодушного поначалу к национальным вопросам «Австралийца» Элизы

Ожешко, Доминика Корчинского из ее романа «Над Неманом» или Лаврентия Тыркевича из ее же «Четырнадцатой части», Казимежа Чертована из «Девайтиса» Марии Родзевич или Юлиана Остшенского из романа Марии Домбровской «Ночи и дни», о судьбе которого сожалеет пани Барбара, высказываясь весьма резко. Она напрасно связывала с ним большие надежды: изучив угнетателей родины «в их логове», ее брат мог бы повести народ на борьбу за свободу, а между тем, поощряемый этими угнетателями, он вел вольготную жизнь сибарита. «И, наконец, осудила она Россию и Петербург. — Проклятый город, — заявила она. — Ужасная страна, в которой все вырождается и становится хуже». Еще резче сформулирует свое мнение спустя два года после начала восстания 1863 г. Крашевский, упрекая «град Петров» в том, что он воспринял все отрицательные черты цивилизации, «не утратив ни одной варварской черты». Атмосфера лицемерия, царящая в Петербурге, «повсюду окружает и душит человека». «Невозможно пробиться сквозь оболочку этого гроба повапленного без глубочайшего отвращения». Все вершит коррупция, «от швейцара до министра, купить можно всех».

Как польские, так и русские авторы не желали замечать участия пришельцев с берегов Вислы в научной и политической жизни империи (особенно после 1905 г.), в адвокатуре, в развитии промышленности или, наконец, в армии: из 18 тысяч офицеров, переаттестация которых была проведена польскими военными властями до марта 1921 г., почти треть составляли офицеры бывшей русской армии, причем зачастую в высоких чинах. Польская колония в Санкт-Петербурге оказывала щедрую поддержку просветительским, научным и благотворительным учреждениям как в Польше, так и в самой столице империи.

Патриотический заговор молчания привел к тому, что вполне положительный поляк мог находиться в Петербурге исключительно в качестве политического узника (Тадеуш Костюшко, Юлиан Урсин Немцевич) или лишённого трона монарха: великая карьера Станислава Августа Понятовского, начавшаяся в этом городе, здесь же и закончилась. Кандидатом в узники бывал и заговорщик, принимавший участие в подготовке очередного покушения на царя. На рубеже XIX-XX вв. героями, представлявшими петербургскую Полонию на страницах произведений Гастона Даниловского, Густава Каменского (Гамастона) или Марии Родзевич («Страшный дедушка»), были почти исключительно студенты, ведущие жизнь трудовую, но в нищете. А если разгульную (см. роман Гамастона «Разгульная жизнь»), то всегда с печальным концом.

И только в уже свободной Польше начали выходить мемуары или романы, в которых описывались совсем иные стороны жизни в тогдашней столице России.

«Жизнь богатой петербургской буржуазии, как русской, так и польской, протекала в те годы спокойно и лениво. Приятно и уютно жилось в канун I Мировой войны. Заботы и трудности, разумеется, были, однако, как правило, не омрачали сытого благоденствия и сибаритства этой среды. Как перед бурей — перед ужасной бурей, которая буквально через несколько лет смела все это благополучие и беззаботность, — царило полное затишье. Каждый видел впереди ровную дорогу и шел по ней не торопясь (...) всматриваясь в единственную цель, стоящую усилий: нажить состояние», — описывает те годы Зофья Стульгинская в автобиографическом романе «Груши на вербе» [в русском переводе «Пустые обещания». — Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика]. Подобные наблюдения приводит и Вацлав Ледницкий, сын известного политика Александра Ледницкого. В своих мемуарах он вспоминает, что польская колония в Петербурге отличалась снобизмом, «совершенно не свойственным московской колонии». В столице России постоянно жили поляки — члены Государственного Совета и Думы, представители польской аристократии, имевшие придворные титулы, офицеры гвардейских полков и учащиеся Кадетского корпуса. Одним словом, люди, которые сделали или собирались делать карьеру. Поэтому в петербургской колонии можно было отметить больше «парадности, блеска, показной роскоши», чем в московской. Многие ее представители были членами аристократических клубов, где завязывали столь полезные политические связи. «В глубине России немало было и таких полячишек, которым был по вкусу и способствовал здоровью русский хлеб — всегда с маслом, а часто и с астраханской икрой (...) Жилось хорошо, в удобной квартире, к тому же копились рубли, эти по тем временам доллары европейского континента», —справедливо отмечает Павел Ясеница.

Из биографии Адама Мицкевича обычно вспоминают виленскую тюрьму, ссылку в глубь России и полные тяготы годы, проведенные в эмиграции. Но ведь из петербургских салонов начался его путь в мир. В них он провел более трети времени своего пребывания в России, составившего в общей сложности три с половиной года. Тадеуш Бой-Желенский, как всегда строптивый, писал, что настоящим изгнанием для будущего автора «Пана Тадеуша» стало скорее Ковно. Зато в Петербурге и других городах империи он познакомился с интеллектуальными сливками России, «здесь он был принят как равный среди самых высокопоставленных, был в ореоле славы, был почитаем (...). Не думаю, что Мицкевича принимали бы так же, если бы из Ковно он переехал в Варшаву...» Варшавский литературный ареопаг стоял против него, а то и смеялся над ним, в то время как в России Мицкевича объявили «первым среди славянских поэтов».

По мнению Яцека Борковича, подобное положение существовало до конца XIX века. Варшава в тот период, «несмотря на то, что была весьма динамичным центром культуры, притягательным и соблазнительным для многих русских, тем не менее оставалась по сравнению с Петербургом культурной провинцией. Польский интеллигент, язвительно отзывавшийся о русских оккупантах, знакомился с новинками мировой литературы благодаря превосходным и недорогим русским переводам, печатавшимся в столице империи».

Карьеру в Петербурге делали даже во времена национальных поражений. Об этом свидетельствует судьба Станислава Моравского (1802-1853), известного мемуариста, получившего медицинское образование. Из-за сложных отношений с отцом он около 1829 г. переехал в Петербург и занялся врачебной практикой в высшем свете столицы. Петербургские медики, желая избавиться от опасного конкурента, в сентябре следующего года употребили все свои усилия на то, чтобы Моравский был включен в состав комиссии, созданной для борьбы с холерой. Таким образом, ему пришлось-таки покинуть Петербург, однако он приобрел себе могущественного покровителя в лице министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского. Через год Моравский вернулся живым и здоровым в Петербург и стал чиновником по особым поручениям при директоре медицинского департамента. С января 1833 г. он был врачом в статс-секретариате по делам Царства Польского, а затем стал чиновником законодательной комиссии. В Петербурге он находился до 1838 г., сумев наладить связи с интеллектуальной элитой и в великосветском обществе. Он описал их в своих интереснейших мемуарах («В Петербурге. 1827-1838»), где отразилось его восхищение столицей России и царившей там интеллектуальной атмосферой. Наверное, поэтому его мемуары были изданы лишь в 1927 году.

После начала восстания 1830 г. оказался в Петербурге министр финансов Царства Польского князь Ксаверий Любецкий; выезжая из Варшавы 10 декабря 1830 г. по поручению Юзефа Хлопицкого, он все еще надеялся на полюбовное разрешение конфликта. Но это оказалось невозможным, а самому Любецкому по приказу царя пришлось остаться в Петербурге. И по его же распоряжению в начале января 1831 г. Любецкий отправил письмо Хлопицкому, в котором пытался убедить того в необходимости прекратить восстание. Благодаря этому Любецкий не лишился милости Николая I; в феврале 1832 г. царь назначил его членом Государственного совета и включил в состав комитета по выработке «органического устава» для Царства Польского, который должен был заменить польскую конституцию. Любецкий также оказывал заметное влияние на финансовую политику империи. Он находился в постоянном конфликте с министром финансов Канкриным, причем настолько глубоко, что его даже подозревали в желании занять этот пост. Любецкий скончался в Петербурге (1861). Последние годы жизни Любецкого лишили его всяких шансов на то, что когда-нибудь в независимой Польше ему поставят памятник. В связи с этим трудно не удержаться от мысли, что если бы Станислав Сташиц пожил немного дольше, то и ему было бы отказано в памятнике, а особняк на улице Новый Свят, 72 [в Варшаве] в лучшем случае остался бы без покровителя. Сташиц, будучи решительным противником какого бы то ни было конфликта с Россией, сразу после начала восстания наверняка бы собрал сундуки и вслед за Любецким отправился в Петербург.

В 1834 г. Николай I проявил особую заботу о семьях генералов, погибших в «ноябрьскую ночь» (ночь на 29 ноября 1830 г, когда началось восстание; «Ноябрьская ночь» — название драмы Выспянского. — Ред.) от рук повстанцев за то, что не пожелали к ним присоединиться. Так в столице империи оказалась дочь Мауриция Хауке Юлия, которую произвели во фрейлины двора. В 1851 г. она вышла замуж за принца Александра Гессенского. Их потомки породнились с представителями многих европейских династий, так что и наследник британского трона принц Чарльз, и король Испании Хуан Карлос — потомки Юлии Хауке.

Если бы не восстание 1863 г., иначе могла бы сложиться судьба потомка обедневшей шляхты Иосафата Огрызко (1827-1890); окончив в 1844 г. минскую гимназию, он работал сначала в Петербурге смотрителем при транспортировке товаров. В 1849 г. ему, однако, удалось окончить юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1857 г. Огрызко был принят на службу в министерство финансов и быстро поднимался по ступеням карьеры. Когда началось восстание, он формально занимал должность вице-директора; а фактически был уже одним из руководителей этого ведомства. В то время он получал 3000 рублей годового жалования. Назначенный в феврале (или марте) 1863 г. петербургским агентом Национального [польского] правительства, он не вел активной деятельности, а летом того же года и вовсе ее прекратил. Несмотря на это, в ноябре 1864 г. он был арестован, подвергся тяжелому следствию и был приговорен к смертной казни, замененной, вероятно благодаря заступничеству министра финансов Рейтнера, 20 годами каторжных работ. Муравьев, имевший личные счеты с Огрызко, который обнаружил за тем финансовые злоупотребления, приказал отправить бывшего сановника в Сибирь, минуя Петербург, «дабы не смог он договориться со своими влиятельными покровителями в столице». Огрызко умер в Иркутске в 1890 году.

Однако ничто не воспрепятствовало карьере многих других поляков, начинавших делать ее в Петербурге. Среди живописцев, добившихся наибольшей после вышеупомянутого Орловского славы, был Генрих Семирадский

(1845-1902), который в 1864 г. поступил в петербургскую Академию художеств. «Участвуя во всех конкурсах, он собрал все награды, какие только было можно», а в 1870 г. за огромное полотно «Александр Македонский и его врач Филипп» получил золотую медаль и заграничную стипендию на шесть лет. С 1871 г. Семирадский в основном жил за границей, но по-прежнему часто приезжал в Петербург, где пользовался покровительством царского двора. По сей день, впрочем, Семирадский фигурирует во многих российских учебниках как выдающийся художник польского происхождения.

На рубеже XIX-XX вв. завоевывали европейскую славу такие профессора-поляки, преподававшие в Санкт-Петербургском университете, как выдающийся языковед и славист Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртене (1845-1929), правовед Леон (Лев Иосифович) Петражицкий (1867-1931), превосходный знаток античности Тадеуш (Фаддей Францевич) Зелинский (1859-1949). После революции 1905 г. возникла возможность легальной политической деятельности; в I Государственной Думе блестяще проявил себя тогда один из лидеров партии кадетов (конституционных демократов) вышеупомянутый Александр Ледницкий (1866-1934) (членом Государственной Думы был также Петражицкий. — Ред.). Еще ранее в среде адвокатуры прославился Владимир Спасович (1829-1906), выпускник Санкт-Петербургского университета, а потом профессор этого же университета. На архитектурный облик Петербурга большое влияние оказали Мариан Лялевич (1876-1944) и Мариан Перетяткович, по проектам которых в Петербурге были возведены многие по сей день сохранившиеся здания, построенные в неоклассическом стиле.

Имена и примеры карьер можно было бы, конечно, приводить без конца. В этой связи стоит присмотреться к превратностям судьбы ученого, который тоже сделал карьеру в Петербурге, хотя не был столь же известен, как Зелинский, Спасович или Петражицкий. Я имею в виду Генрика Мерчинга (1860-1916), профессора электротехники и механики, а также заслуженного историка польской и литовской реформации. Выпускник института инженеров связи, Мерчинг начал работать в этом институте в 1887 г. сверхштатным преподавателем, а в конце жизни достиг чина действительного тайного советника. После смерти Мерчинга осталась не только богатая библиотека, но и огромное состояние: около 110 тыс. рублей в ценных бумагах; половину этого состояния Мерчинг отписал на общественные цели. Его работы по электротехнике и механике сегодня полностью устарели, зато труды о польском протестантстве по-прежнему входят в научный оборот: одна из его работ («Протестантские общины и сенаторы в старой Польше», 1904) недавно была выпущена репринтным изданием. Стоит при этом подчеркнуть, что научную (а раньше и чиновничью) карьеру можно было сделать в Петербурге, не переходя в православие, что в Царстве Польском после 1863 г., как правило, было невозможно.

Наряду с интеллектуальной элитой, поляки появлялись и в глубине России — как инженеры, врачи, адвокаты, управляющие имениями. «Эти пришлые превосходят туземцев своей сообразительностью, опытом и смекалкой, так что зачастую выбиваются на руководящие должности» (В.Дзвонковский. Россия и Польша). По семейным воспоминаниям моей жены я знаю, что среди ее многочисленных предков, осевших до 1914 г. в глубине империи, лишь один оказался там вынужденно, будучи ссыльным. Остальные совсем неплохо жили, трудясь в промышленности или торговле; так что состояние отца Цезария Барыки [роман «Канун весны»] — вовсе не писательская выдумка Стефана Жеромского. В литературной форме выразил это Станислав Эстрейхер, описывая (фиктивную? подлинную?) встречу Адама Шиманского, автора знаменитого «Сруля из Любартова», с человеком, только что прибывшим из Сибири. Шиманский спрашивает его: «Сбежал? Помилован?» — и в ответ узнаёт, что его собеседник отправился туда добровольно. В еще большей степени это касалось польских жителей Петербурга, хотя крупную карьеру сделали лишь немногие из них. Однако значительная их часть достигла благополучия, которое нарушила только октябрьская революция.

Поляки, сделавшие карьеру в столице империи, не могли рассчитывать на одобрение соотечественников. Об этом не раз писал Людвик Базылёв, признавая, что поляки, добившиеся успеха, почти всегда отличались лояльностью к правительству. Обязанности свои они выполняли честно и добросовестно, «работали производительно, заслуживая похвалу, получали ордена, поднимались по т.н. табели о рангах. Говорили, писали и действовали по-русски с утра до ночи».

Любецкому так никогда и не забыли его пребывания в пажеском корпусе, куда его отдали на шестом году жизни (!). За это и за участие в итальянской кампании Суворова (1799) ему приписывали «русскую душу», «солдатское воспитание» и «петербургскую муштру». О Спасовиче писали, что он был одновременно поляком и русским. Подобное же мнение высказывали и о Зелинском. Спасовича осуждали за те взгляды, которые он высказывал на страницах крайне лояльного еженедельника «Край», издававшегося в Петербурге в 1882-1914 гг. В выходившем в Галиции журнале «Тека» в 1898 г. писали, что, устраивая вечер памяти Мицкевича под лозунгом польско-русского примирения, «он хотел еще раз дать волю своей любимой идее о прочной связи будущности польского народа с судьбой его господина и палача».

В «Братьях Карамазовых» Спасович карикатурно представлен в образе адвоката Фетюковича, который берет верх над прокурором, человеком нервным и полным комплексов; сам же Фетюкович-Спасович «доволен своей жизнью и достаточно самоуверен» (С.Мацкевич. «Достоевский»). «Ваши управляющие-поляки, эти подлые шпионы, все эти Казимиры и Каэтаны рыщут от утра до ночи (...) и в угоду вам стараются содрать с одного вола три шкуры», — говорит в порыве откровенности русский доктор владелице большого имения у Чехова («Княгиня»). Еще дальше пошел Николай Лесков в рассказе «Административная грация» (1893), изобразив чиновника-поляка Болеслава Конрадовича ничтожным проходимцем, который не колеблясь может пойти и на полицейскую провокацию.

Принято прославлять патриотизм поляков, которые после того, как страна получила независимость, немедленно ринулись служить отчизне, бросив свои высоко оплачиваемые должности. Это может касаться только тех, кто, как Габриэль Нарutowич или Игнаций Мостицкий, оставили богатую Швейцарию. Большинство же поляков вернулись из бывшей Австро-Венгрии или из бывшей царской России, так как безвозвратно утратили щедро оплачиваемые должности. Первой из этих бывших держав, урезанной до размеров маленького государства, больше не требовался ни столь огромный аппарат власти, ни армия, в которой многие крупные посты занимали поляки. Из советской России старалась выбраться даже отечественная интеллигенция, а старшие офицеры польского происхождения предпочитали по вполне очевидным причинам избегать Красной Армии. Зато мы находим их среди самых верных и исполнительных сотрудников Юзефа Пилсудского. В их мемуарах, которые издавались уже во II Речи Посполитой, явно ощутима ностальгия по тем годам (хотя бы в «Моих воспоминаниях» Юзефа Довбора-Мусницкого). Да и Виткаций без особого сожаления вспоминал свою службу офицером в петербургском гвардейском полку. По мнению Ивашкевича, было бы преувеличением утверждать, что в этом городе Виткаций «стал писателем, философом, художником», хотя атмосфера Петербурга несомненно оказала свое влияние на возникновение «того особенного, самобытного и неповторимого явления, каким был Станислав Игнаций Виткевич».

Многих из названных в этом очерке представителей петербургской Полонии мы встречаем впоследствии в политической жизни II Речи Посполитой, прежде всего в университетах, где кафедры возглавляли Бодуэн де Куртенэ, которого в 1922 г. выдвигали кандидатом на пост президента Речи Посполитой, Петражицкий и Зелинский. Последний, хотя и был весьма уважаем, не раз вызывал смех аудитории своей весьма своеобразной польской речью, полной русицизмов. Один из анекдотов гласил, что из его рассказа о страданиях Прометея получалось, что каждый день орел расклевывал ему «жаркое» (жаркое — по-польски «печень», а печень — «вонтроба»). Видимо и сами изгнанники из прежней столицы России вспоминали ее с ностальгией — подобно многим представителям русской эмиграции.

Однако не все красоты этого города поляки воспринимают с полным пониманием. Когда много лет назад делегация наших историков восхищалась Петербургом (в то время еще Ленинградом), местный гид спросил: «А что вам в этом прекрасном городе не понравилось?» Услышав, что в нем слишком много достопримечательностей, напоминающих о царях, он выпалил: «Мы хорошо знаем, что вы не любите наших правителей». Как раз под их властью, а часто и по их милости в Петербурге делались столь блестящие и вместе с тем доходные карьеры. Много лет спустя весьма язвительно подвел их итоги журналист, издатель и комедиограф Стефан Кшивошевский (1866-1950), на рубеже XIX-XX вв. корреспондент петербургского издания «Край». В его воспоминаниях мы читаем:

«Климат суровый, небо серое, частые сильные ветры, короткое и жаркое лето с болезненно бледными ночами... Чем объяснить, что столько людей, даже поляков, было привязано к жизни в этом городе? (...) Здесь, как в любом абсолютистском государстве, карьеристы, спекулянты, бродяги и мошенники находили себе прекрасную кормушку. Вокруг них увивался прекрасный пол авантюрного склада. Роскошные апартаменты, многочисленная челядь, элегантные выезды, дорогие наряды, изысканная кухня, лучшие вина».

3: ЕЩЕ РАЗ О ПЕТЕРБУРГСКИХ КАРЬЕРАХ ПОЛЯКОВ

Недавний юбилей 300-летия Санкт-Петербурга, имевший широкий резонанс и в Польше, вывел на свет проблему участия и реальных заслуг представителей нашего народа в развитии Северной Пальмиры. В отличие от других народов, смело выставивших свои действительные, а иногда и выдуманные заслуги на этом поприще, поляки ввиду очевидного исторического контекста оказались в куда более трудном положении: все-таки наши предки были сынами народа, завоеванного Российской империей и несколько раз восстававшего в то самое время, когда все более многочисленные его представители активно и с немалым успехом действовали и творили в столице династии Романовых.

Некоторое время назад тему «Поляки на службе у москалей» уже поднял широко обсуждавшийся одноименный труд серьезного краковского историка Анджея Хвальбы (вышедший в 1999 г.). Впрочем, что касается Петербурга, эта весьма ценная монография приносит не слишком много нового в сравнении с классической монографией Людвика Базылёва «Поляки в Петербурге», которая посвящена истории петербургской Полонии до 1917 г. и пользуется заслуженной славой у историков, но, увы, вышла уже 20 лет назад*.

Начало XIX столетия видело немало замечательных карьер, сделанных поляками на берегах Невы, причем не в политике, где пример князя Адама Ежи Чарторыйского [в русской традиции Чарторыйского. — Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика] остается скорее изолированным.

Говоря об этой эпохе, следует все-таки упомянуть хотя бы две незаурядных карьеры: живописца Александра Орловского и композитора Юзефа Козловского. Орловский, ученик Норблина** и участник восстания Костюшко, пользуясь покровительством вел. кн. Константина Павловича, достиг в Петербурге (или, как говорит Телимена в оригинале «Пана Тадеуша», «в Петербурку») немалых высот, став, в частности, членом Академии художеств. Свидетельство Адама Мицкевича о том, что художник «тосковал по родине, / Постоянно любил вспоминать времена своей молодости, / Восхвалял всё в Польше: землю, небо, леса»***, хоть и вложено в уста Телимены, имеет свое значение, тем более что его подтверждают произведения художника. Верно, что «никогда он не писал польских пейзажей», но он и не был пейзажистом, зато оставил серию картин, изображающих эпизоды восстания Костюшко, галерею аппетитнейших польских типов (недавно прошла выставка его рисунков в петербургском Мраморном Дворце, том самом, где по милости своего покровителя художник прожил без малого тридцать лет). О том, что наш соотечественник не ограничивался русскими темами, свидетельствует также отменный анекдот о портрете его кисти, для которого князь Константин, желая произвести впечатление на обожаемую Хелену Любомирскую, позировал в сермяге косиньера [крестьянина из тех, что участвовали в восстании Костюшко, вооружась косами], причем в профиль: по мнению страстно влюбленного цесаревича, курносый нос, унаследованный от императора Павла I, должен был несколько уподобить его изображению... образу Тадеуша Костюшко.

Не менее красочная карьера выпала на долю Козловского: этот домашний учитель музыки Михала Клеофаса Огинского — создателя знаменитого своим настроением полонеза «Прощание с родиной», наемник в русской армии, капельмейстер князя Потемкина занял высокий пост «директора музыки театров Петербурга» и приобрел огромную популярность. Козловский, композиторская карьера которого пришлась на петербургский период, оставил множество сочинений, всеми признан одним из виднейших представителей русского классицизма и в литературе предмета последовательно именуется Осипом Ивановичем. Вполне ли обрусел автор первого российского гимна «Гром победы, раздавайся» (нотабене полонеза)? Пожалуй, нет, раз он написал так много сочинений, лежащих в польской музыкальной традиции, сочинил «Реквием», исполненный на похоронах Станислава Августа Понятовского (возможно, по заказу самого монарха!) и вместе с Адамом Мицкевичем сложил музыку к «Думке гетмана Косинского» (на слова Богдана Залеского). Козловский также поддерживал отношения с другими представителями польской музыкальной культуры на берегах Невы: Марией Шимановской, братьями Михаилом и Матвеем Виельгорскими, наконец — со своим бывшим учеником Огинским, которому, кстати, помогал издавать его партитуры****.

Не похоже также, чтобы по мнению наших соотечественников перестала быть полькой или хотя бы стала чужда национальному делу первая «пианистка их Императорских Величеств» Мария Шимановская, несмотря на то что умерла она в Петербурге в блеске славы и почестей летом 1831 г. — в то самое время, когда фельдмаршал Иван Паскевич (кстати, в его венах текла немалая доля польской крови) рвался к Варшаве. Вероятно, тут не без влияния остается как то почтение, которое испытывал к ней сам Мицкевич, так и женитьба великого поэта на ее дочери Целине, однако решающее значение принадлежит заслуженной славе пианистки (ее восхищались, в частности, Бетховен, Паганини, Мейербер) и значительной популярности ее сочинений — например, не подлежит сомнению влияние ее творчества на молодого Шопена: Шимановская как-никак была предтечей фортепьянной мазурки.

Картина петербургских карьер польских музыкантов была бы неполна без упоминания о тех, кто был и остается гордостью нашей национальной культуры, — великих скрипачей Кароля Юзефа Липского и Генрика Венявского, придворных царских виртуозов (первый из них, достойный конкурент самого Паганини, использовал титул «первого скрипача императора всея Руси при королевско-польском дворе»); больших успехов добился и другой придворный скрипач — Аполинарий Контский, который, вернувшись в Варшаву, учредил там Музыкальный институт (1862).

Карьера Венявского в контексте наших рассуждений заслуживает тем большего внимания, что частично она совпала с восстанием 1863 г.: в то самое время, когда царские войска добивали последние партии повстанцев, а

усмирению вторила под диктовку Михаила Каткова антипольски настроенная русская печать, наш виртуоз получил от восторженных московских меломанов скрипку Страдивари (14 апр. 1864); добавим, что несколько раньше, в марте 1863 го, в Москве впервые исполнялся его 2 й скрипичный концерт ре минор (соч.22), а дирижировал уже тогда известный своей полонофобией Рихард Вагнер. При этом известно, что Венявский не мог быть равнодушен к восстанию хотя бы потому, что в нем принял участие его брат Юлиан (благодаря поддержке вел. кн. Николая Николаевича, бывшего наместника Царства Польского, композитор добился для него амнистии).

Поведение артиста во время восстания отнюдь не оказало отрицательного влияния на его популярность у поляков: когда после почти десятилетнего перерыва Венявский наконец приехал в Варшаву (апр.-май 1870), то и публика, и критика принимали его с восторгом. Парадоксально, но следующее варшавское турне (1872) привело к его разрыву с царским двором: предлогом стало бесцеремонное поведение наместника Берга, ответная резкость самого артиста и отданный ему приказ покинуть город. Симптоматично что, давая 26 июня 1872 г. в Петербурге прощальный концерт, скрипач выбрал самый что ни на есть польский репертуар: в программе были, в частности, сочинения Монюшко, кончину которого незадолго до этого оплакала вся Польша. Восемь лет спустя похороны самого Венявского стали в Варшаве большой национальной манифестацией: число участников погребального шествия оценивали в сорок тысяч.

Надежды на придворную карьеру питал и Монюшко, желавший получить должность придворного капельмейстера; правда, своей цели он не достиг, но заслужил признание петербургских музыкальных кругов и с большим успехом представил там свои патриотические сочинения. Не менее энергично добивался милостей царя и учитель Шопена композитор Юзеф Эльснер: в 1838 г., всего несколько лет спустя после восстания, он даже совершил паломничество в Петербург, чтобы вручить Николаю I посвященную ему ораторию «Passio Domini Jesu Christi».

Примеры блестящих музыкальных карьер поляков в Петербурге можно умножать: на сцене Мариинского театра много лет блистала Аделаида Скопская-Большая, среди танцовщиков вызывали восторг Матильда Кшесинская и Вацлав Нижинский (о его забытой принадлежности к полякам прямо заставляет вспомнить его «Дневник»). Напомним, что Феликс Кшесинский, отец прима-балерины и сам замечательный танцовщик и хореограф, несмотря на царские милости сохранил глубокую связь с родиной: когда этот петербургский почетный гражданин скончался (1905), тело покойного в согласии с его последней волей перевезли в родную Варшаву и похоронили на кладбище Повонзки.

Обобщая, мы видим, что карьера в Петербурге не только не подвергала художника остракизму его соотечественников, но еще и добавляла ему славы и популярности.

Чтобы не быть односторонними, напомним все-таки хотя бы один из тех примеров, когда видные польские артисты, имевшие в Петербурге серьезный успех, из патриотических побуждений отвергали выгодные предложения императорского двора. А такие примеры бывали. Знаменитая певица Янина Королевич-Вайда во время своих триумфальных петербургских гастролей в 1906 г. — между прочим, она тогда пела в столице империи «Гальку» по-польски! — получила предложение постоянного ангажемента в императорской опере, со сказочным по тем временам жалованьем в 60 тыс. рублей, и отвергла предложение через час после того, как оно было сделано. Примадонне хватило времени на размышление, пока она ехала по зимней Большой Морской... в кибитке:

«Мороз хлестал меня по лицу, а в мыслях пролетали тысячи картин всех бедствий нашего народа: восстание, на рассказах о котором я воспитывалась, пятеро двоюродных братьев моей матери, Терашкевичей, расстрелянных казаками, три года, отсиженные отцом в варшавской Цитадели (...) А я сегодня могла бы начать выступления в царском театре, где мне предписали бы петь «Жизнь за царя»! (...) Я подумала, что отец перевернулся бы в гробу!» — пишет певица в воспоминаниях «Искусство и жизнь».

Иногда бывает нелегко с точностью взвесить соображения, руководившие нашими патриотически настроенными артистами: постоянный ангажемент в императорской опере — нет, а участие в сезонах итальянской труппы в Одессе, выступления в Киеве и Харькове — да, несмотря на отвращение, которое возбудили у певицы эксцессы «черной сотни». Добавим еще удовлетворение от присутствия на спектакле вел. кн. Николая Николаевича, лестных рецензий в «Новом времени» и выступлений с Шаляпиным, восторги по поводу русской публики и одновременно весьма критическое отношение к петербургским полякам: к некоей панне Юркевич, варшавянке, вышедшей замуж за пристава (пристав, правда, вполне заслужил неприязнь, объявляя своим польским гостям: «Польского языка терпеть не могу...» [по-русски в тексте]), к редакции «Края» и Эразму Плицу, хотя тот принял ее крайне радушно. И все-таки картина была бы неполной, если не упомянуть воспоминания певицы о теплой

встрече с прогрессивным студенчеством, устроенной польскими студентами, которые подружились с примадонной и ее мужем.

Нехватка места не позволяет столь же широко рассмотреть другие круги, например, ученых, правоведов, писателей, журналистов, хозяйственных деятелей, — целесообразным кажется все-таки посвятить внимание полякам-военнослужащим. Помня о нешуточном числе карьер, иногда завершавшихся генеральским чином (об этом документально свидетельствует число «польских» портретов в галерее героев Отечественной войны 1812 года в Зимнем дворце, где мы видим, например, Адама Чаплица, мелкого шляхтича с Могилевщины, который прославился, в частности, захватом в плен под Слонимом целого полка улан литовской гвардии Наполеона, и Адама Ожаровского, сына казненного в 1794 г. тарговицкого коронного гетмана), мы не можем абстрагироваться от весьма сложного контекста службы наших соотечественников в армиях держав-захватчиц, особенно в первые годы после крушения I Речи Посполитой. Прежде чем поспешно выносить приговоры, следует помнить, например, о достойном поведении Владислава Браницкого (сына тарговичанина***** Ксаверия Браницкого), который в 1828 г. защищал обвиняемых перед Сеймовым судом.

Тема военной службы поляков в русской армии заслуживает внимания еще и по другой причине: участие многих подававших надежды офицеров в польском восстании 1863 г. — доказательство действительного существования идеи валленродизма*****. Заметим, что особое место в ее осуществлении досталось воспитанникам петербургских военных школ, участникам конспиративного Кружка польских офицеров. Основатель этой организации Зигмунт (Сигизмунд) Сераковский, офицер Академии Генерального штаба, имевший ряд наград, протеже военного министра Николая Сухозанета, поднял восстание в Литве. Зигмунт Падлевский, выпускник Артиллерийской академии — в окрестностях Плоцка. Другой член той же подпольной организации, Ярослав Домбровский, выпускник Академии Генерального штаба, был арестован в 1862 г., еще до начала восстания. Наряду с этими общеизвестными именами надо упомянуть не только их товарищей по петербургской организации — Михала Крука-Гейденрейха Людвика Топора-Зверздовского, Яна Савицкого, — но и тех, чья дорога к восстанию была совсем иной.

Ромуальд Траугутт, последний диктатор восстания, прошел венгерскую кампанию 1848-1849 гг. под командованием Паскевича, участвовал в обороне Севастополя, за что получил ордена и продвижение по службе. Он преподавал в петербургском Военном гальвано-техническом институте, а выходя в отставку в 1861 г. (по семейным обстоятельствам) уже был подполковником. К восстанию он присоединился только в апреле 1863 г., под нажимом соседей.

Еще более поразительный пример — Юзеф Хауке-Боссак, потомок генерала Мауриция Боссака, убитого подхорунжими в «ноябрьскую ночь», — кстати офицера с огромными заслугами в Отечественной войне. Трудно найти больший парадокс, чем история «Босака»: воспитанник Пажеского корпуса, представитель рода, пользовавшегося милостями царского двора и через гессенский княжеский дом породнившегося чуть ли не со всеми династиями Европы, офицер, делавший блистательную карьеру на Кавказе, где, будучи полковником, он самостоятельно командовал тактическими соединениями, друг великих князей, — Хауке-Боссак присоединился к обреченному на поражение восстанию и даже некоторое время с успехом отражал атаки русских войск, чтобы в конце концов, уйдя после поражения за границу, стать живым воплощением польского борца «за вашу и нашу свободу». Когда Юзеф Хауке-Боссак в 1871 г. пал от прусской пули под Дижоном, командуя французскими частями, он, говорят, был одет в красную рубаху гарибальдийца и кавказскую бурку, а на боку у него была сабля, подаренная в знак уважения одним из великих князей.

У всех вышеупомянутых офицеров-повстанцев был в жизни свой петербургский период, и все они своим решением засвидетельствовали, что благо отечества для них — высший закон. Героическая гибель Траугутта, Сераковского и Падлевского стала важной частью национального мифа — это широко отражено не только в иконографии, но и в популярной литературе. Их службу в русской армии трудно было замалчивать, учитывая общественные эмоции, которые возбуждал вынесенный бывшим русским офицерам (здесь речь идет о двух первых) приговор к позорной смертной казни через повешенье.

Не подлежит сомнению, что службу в армии держав-захватчиц немалая часть патриотов рассматривала как обучение военному ремеслу, которое когда-нибудь пойдет на пользу национальному делу (в частях Польши под прусским и австрийским владычеством так смотрели даже на службу в пожарной охране и т.п.); опыт 1918 года доказал, что это отнюдь не иллюзия!

Таким образом, отношение польского общества к «полякам на службе у москалей» в ряде случаев трудно назвать отрицательным: кому пришло бы в голову назвать ренегатами, например, бывших офицеров российского флота, особенно во II Речи Посполитой?

Благодаря чарующим мемуарным очеркам Кароля Ольгерда Борхардта в памяти многих поколений его читателей бытуют образы создателей польского торгового флота, воспитателей его замечательных кадров, в особенности капитанов Мамерта Станкевича («Значит, капитан») и Константы Мацеевича («Мацая»). При чтении этих воспоминаний невольно и совершенно ясно осознаешь: хотя и случалось, что некоторые языковые трудности бывших царских офицеров порождали расхожие анекдоты, их компетентность и образование пользовалась уважением (как, например, импонировали молодым офицерам навыки Станкевича, вынесенные из корпуса гардемарин!), а вдобавок никто и не думал сомневаться в их принадлежности к польской нации и искреннем патриотизме. Аналогичные мнения о «православных» офицерах сухопутных войск тоже не были редкостью во II Речи Посполитой — несмотря на растущий культ легионерских кадров: достаточно вспомнить хотя бы проникнутые теплой иронией, но и нескрываемой симпатией воспоминания Мельхиора Ваньковича о встречах с генералом Люцианом Зелиговским.

Наконец, попытаемся ответить на вопрос, был ли образ Петербурга, в особенности у поляков на родине, таким односторонне негативным, подчиненным господству видений Мицкевича из III части «Дзядов» и упрочившимся благодаря декларациям вроде приводимых в статье Януша Тазбира мнений Юзефа Игнация Крашевского и Марии Домбровской (во втором случае мнение выражено устами Барбары Нехтиц)?

Серьезные сомнения в такой категорической позиции возникают во время чтения воспоминаний Ярослава Ивашкевича о его петербургской экспедиции: писатель прибыл на берега Невы в возрасте 77 лет и отправился искать образы, почерпнутые из чтения времен своей юности, т.е. времен русской гимназии, русского университета и русской консерватории. Он искал их, в частности, среди голубых драпировок в ложе Мариинского театра, видевших братьев Решке и Вацлава Нижинского — великих артистов, родом поляков. Волнение, которое он испытал во время этих ностальгических странствий, Ивашкевич был способен сравнить лишь с одним эпизодом своей жизни: впечатлением от первого пребывания в Кракове, где «все, что знал из рассказов с самого раннего детства, столь же внезапно ложилось на свое место». Это не фразы, годящиеся для стереотипа зловещего города-молоха, «воздвигнутого бесами», — нет, это скорее встреча с чем-то так хорошо знакомым, что почти уже родным.

Благодаря своему очевидному европейскому характеру и многочисленности польской колонии, наконец, благодаря роли католической Церкви, Петербург предстал перед нашими предками как город почти что польский. Симптоматично, что совершенно иначе они видели Москву — историческую колыбель русской государственности, традиционно воспринимаемую как символ «восточного варварства» и столица прирожденного врага.

Оценивая немалое участие поляков в строительстве и развитии Петербурга с перспективы столетий, мы не можем забывать, что и во времена разделенной Польши достижения таких людей, как Кербедзь и Пшеницкий, Перетякович, Кричинский, Сальмонович и десятки других замечательных архитекторов, воздвигнувших в Петербурге сони прекрасных зданий, должны были пользоваться признанием современников. Не забудем, что накопленные там состояния нередко служили не только делу упрочения польского духа в самом Петербурге (вспомним хотя бы деятельность Товарищества благотворительности, которое, в частности, субсидировало воспитательное заведение ксендза Антония Малецкого, вместе с польскими школами, щедрыми дарами по завещанию Кербедзей и Вавельбергов), но и на территории русской части Польши: достаточно вспомнить заслуги Евгении Кербедзь перед Варшавой.

Высказываемое иногда расхожее мнение, согласно которому карьера или даже просто служба в столице Российской империи часто приводила к русификации (особенно после восстания 1863 г.) требует серьезных поправок: польский дух и язык сохранялись во многих кругах, не имеющих ничего общего с гетто; случались, и нередко, отступничества, но существовал постоянный и массовый приток поляков, общение с которыми помогало корениться в национальной культуре. Достаточно заглянуть в недавно изданные воспоминания Анджея Вежбицкого «Живой Левиафан», чтобы оценить размах и интенсивность жизни Полонии, особенно среди студенчества. Добавим, что можно найти много оговорок по поводу самого главного и влиятельного периодического издания Полонии в Санкт-Петербурге — еженедельника «Край», можно критиковать его за угодничество, за политическую программу, основанную на лояльности к империи, однако нельзя обойти его огромные заслуги в культивировании национальной культуры, распространении науки, наконец, в том, что польские подданные Российской империи поддерживали постоянную связь с поляками в других державах-захватчицах, так как «Край» постоянно печатал корреспонденции из Галиции, Силезии и Великопольши. С этой точки зрения деятельность Эразма Плица и Владимира Спасовича заслуживает признания: журнал фактически играл роль культурной платформы для граждан бывшей Речи Посполитой, а в моменты большей свободы неукоснительно писал о памятных датах и великих юбилеях польской истории. Его действительное значение в

деле сохранения польского национального самосознания, причем и в периоды усиленной русификации, трудно переоценить.

Это видели современники, в том числе и те жители русской части Польши, кто недолюбливал «карьеристов с берегов Невы», и раздавалось немало голосов, восхвалявших достижения петербургской Полонии. Когда всего лишь за год до начала I Мировой войны публицист варшавского еженедельника «Свят» Войцех Барановский писал, что «существование польской колонии на берегах Невы — это одна из страниц большой книги нашего скитальчества», хвалебная окраска этих слов не оставляла и тени сомнения.

Тем труднее согласиться с приведенным у Януша Тазбира мнением крупнейшего знатока проблематики Людвика Базылёва о том, что петербургские поляки «почти всегда отличались лояльностью к правительству. Обязанности свои они выполняли честно и добросовестно, «работали производительно, заслуживая похвалу, получали ордена, поднимались по т.н. табели о рангах. Говорили, писали и действовали по-русски с утра до ночи»». Однако оказывается, что достаточно продолжить цитату, и эта картина — как и взгляды Базылева, последовательно развитые им в своей монументальной монографии, — приобретет совершенно противоположное значение: «Навещавшим их приезжим из Польши иногда могло казаться, что путь к полной русификации расстилается как самый изысканный ковер. Обычно дело обстояло как раз наоборот. Никто не забыл язык, никто не забыл свою национальную принадлежность, польским учреждениям помогали деньгами (иногда это были буквально огромные суммы), дарами по завещанию, влиянием, сотрудничеством. Умирать желали в Польше — не всем было дано это счастье. Почти все вернулись, когда кончилось невозвратимое прошлое, и вновь по мере возможностей служили своим трудом и знаниями возрожденной Речи Посполитой».

Я глубоко убежден, что именно это, очень эмоциональное, но точно и многожды документированное высказывание замечательного ученого лучше всего передает характер того обширного и увлекательного явления, которое мы условно называем «петербургскими карьерами поляков».

4: СТИХИ

ЦЫГАНСКАЯ БИБЛИЯ

Что цыганскою библией стало —

Колдовскою, изустной, бездомной?...

Только бабам напев ее темный

Шепчет ночь на Ивана Купала.

В этой книге — дыханье нарда,

Шелест леса, гаданье по звездам,

Тень могил, пятьдесят две карты,

Белый призрак, что век не опознан.

Кто открыл ее? Мы, книгознаи,

Роясь в памяти — в древнем хламе,

Лишь догадкой, владеющей нами,

В сердцевину страстей проникая...

А легенда путями кривыми

В темном знанье, как речка, петляет,

Не по жизни и смерти — меж ними,

Но и жизнью и смертью пленяет.

Лишь догадкою, как сновиденья,
Перелистываются страницы,
И над книгой, в полуночном бденье,
Льют слезу восковую громницы.
А стихи — только чудятся где-то
В огневом и мгновенном звучанье —
Это нечто о муках поэта,
Что несет избавленье...
Но меркнут страницы в тумане.

Перевод Анны Ахматовой

ТЕМНАЯ НОЧЬ

Человек, согбенный ношей,
Сядь со мною.
Помолчим в ночи, объятой
Тишиною.
Скинь с плеча
сундук дубовый,
Сядем рядом,
Глянем в ночь по-человечьи —
Долгим взглядом.
Груз тяжел. И хлеб что камень.
Дышим трудно.
Помолчим давай. Два камня
В тьме безлюдной.

Перевод Анны Ахматовой

ОЛЕНЬ

В чаще стук, и не дятел стучит,
Не топор; словно призрак, в чаще
Так проносит олень свой щит
Над челом — из ветвей стучащих.
Задевают о каждый ствол,
Схожи с арфой и манят светом.

Прихожане лесные, в костел
За оленем ступайте следом!
Гулкий стук все слышней, все звучней,
Пробуждается нечисть лесная —
Толпы леших, тени ветвей,
Привиденья, сквозь лес приплывая.
Виден блеск алтаря сквозь лес
И молитвы туманных чудес.
Гром и трепет вскипают в пене
На цветущей арфе оленя.

Перевод Анны Ахматовой

ПРОСЬБА О ПУСТЫНЕ

Уже мне звезд не видно снизу,
Небесная поблекла синь.
О Вседержитель! Дай мне визу
В пустыннойшую из пустынь.
Чтоб, не грустя, не презирая,
С любовью очи я возвел
В те дали без конца и края,
В сиявший истиной костел.
Чтоб приближение шакала,
Мне братом ставшего теперь,
Ворчаньем теплым обдавало,
Когда дохнет на стужу зверь.
А я — кто вечно в путь стремится —
В сиянье бледного венца
Найду забытую страницу,
Где Сын погибнет от Отца.
Средь ночи зверь людей разбудит —
Завыл, заплакал, зарыдал...
Он понял все и не забудет,
Мой брат теперешний — шакал.

Он новые, иные очи

В меня уставит, не боясь.

И из пустынной чистой ночи

Падет звезда, не раздробясь.

Париж 1939

Перевод Анны Ахматовой

ЗЕЛЕНЬ

Словотворческая фантазия

Отцу

Разговор про зелень беспределен...

Звуком возвеличивая зелень,

Силой вдохновенья умножая,

Буйного добьемся урожая.

Мало видеть слово. Надо точно

Знать, какая есть у слова почва,

Как росло оно и как крепчало,

Как его звучало зазвучало,

Чем должно набухнуть и налиться,

Прежде чем в название превратиться,

В званье, в имя или в кличку просто...

Прелесть слова — в летописи роста.

Так не лепо ль нам, про зель земную

Словесами предков повествуя,

Эту повесть начинать издревле!

В недра, в ядра мы заглянем, в дебри.

По нутру пойдем, по корневищам,

В целине ту завязь мы отыщем, —

Чтобы голос подал из расщелин

Первый шевелистик, нежно зелен.

Лыко в строку ты не ставь мне с бранью,

Что ломлюсь в подсловья мироздания.

К семенам, ключам, истокам чистым

В исступленье Слововера истом
И в поля родного Словополя
С палочкой волшебною пришел я,
Чтобы зелени вернуть приволье
В польской речи, в нашем Словополье.
Тот грустит о соловьином свисте,
А другому панна в мае снится,
Мне ж звучат, как женственные птицы,
Словарей пленительные листья.
С каждым маем к юности и воле
Древо-древность ширится все шире.
Вот мой дом — стиха стены четыре
На полях родного Словополя.
Так сойдем же вместе в детство речи,
Как шахтеры в штрек, чтоб издалече
Мог подземной лампой осветить я
Древние дремучие события.
Мы — в Эрцинском царстве. А над нами,
Над неполомицкими слоями,
Встало Беловежье пластовое
Древнею, дремучею Литвою,
Иновладские мои дубравы,
Где кентавр топтал свои пра-травы,
И славянской Атлантиды хвоя —
Все языческое, вековое,
Мховое... И где-то там, за нею
Геркуланумы дубрав, Помпея!
Где ж найдем мы этих дебрей гуще?
Вот они — овраги, яры, пущи!
Ярогневые неба их спалили,
Их секиры молний повалили,
Все в ступе тысячелетий сбито,

Чтобы стать пластами антрацита
И опять с огнем соединиться,
И опять в застывшую гробницу.
В эту пропасть пасть, чтоб веял снова
Стужею удушья гробового
Лед алмазный, глетчер онеменья...
Но разбудим древние каменья
Чарозельством. Ведь кладоискатель,
Мертвых дел будитель, воскрешатель,
Видя смерть и жизнь предвечной речи,
Ведает, что дело человечесьё,
Так же как и деяньё лесное,
Все течет одною глубиною,
Где-то исчезает и таится,
Чтоб наружу все-таки пробиться,
Чтоб сверкнул для разума людского
Ключ живого, луч родного слова!
И, разбужен, забушует уголь
Лесом, полем, медоборьем, лугом,
Солнце поглощенное изринет,
Мох потопом бородатым хлынет,
Чтоб глаголу твари внять могли бы!
Древний ящер выскользнет из глыбы,
Ветер под крылами птиц воскреснет,
Еж и елка заиглятся вместе,
И свои покинет узилища
Крупный зверь: стволы и корневища,
Вдруг очнувшись, все пойдут толпою,
Зеленью сверкнут и — к словопою!
Хлынет ключ из-под корней растений
К жаждущим устам ветвей-олений.
И тогда очнется от молчанья

Самка-Речь, вдова с времен венчанья
Первородного. И — снова в зелень!
Словизна тут засочится хмелем,
И словесность хлынет коренная,
Кровь — руда, зелица медвяная.
И заблещет лес лучистой речью:
Жмудью, и санскритчиной, и гречью.
Эха тут пойдут по многостволью,
По стране родной — по Словополюю.
В полный голос брат окликнул брата —
Все ведь были родичи когда-то,
Кровные сумели столкнуться.
Смехом-эхом стали окликаться,
Ведь выросли-то от единых зерен —
То же словище и тот же корень,
Род их зелен, буен, непокорен!
Спорят: кто измерит бездну Зели;
Кто найдет, придя к продельной цели,
Корень Зели меж других зелинок —
Всяческих зелишек-небылинок,
Кто из них сквозь златоцвель болотца
До истоков зелья доберется,
Зельчиков натеребит зеленых
На межах подсловья отдаленных,
Кто на шумном зельбище природы
Праотца найдет — Зеленорода?!
Ящерицы подали тут голос:
— Мы не падчерицы! В нас — зеленость!
Той же зелени мы плоть от плоти.
Празелень вы в нас-то и найдете! —
Но решило травославных вече
Листьев большинством, что вздорны речи

Ящериц, что — не давать права им:
Прочь беззельниц! Так позелеваем! —
Отбежали ящерки и плачут:
— Что же, не зеленые мы, значит? —
Как на тризне, стонут о недоле
На своей отчизне — в Зелеполье.
Перерыли зеленостей тыщу —
Все-то Зельеносца не отыщут,
Ибо то зеленое начало
Не в листве, не в травах зазвучало,
Не в сыром побеге-малоростке,
А в зелёнке — искристой стрекозке,
Что порхать в стихах вот этих стала
Между строк от самого начала.
Не она ли на слова садится,
Чтоб им всем насквозь прозелениться,
Сращивает звуки, разделяет,
Упорхнувши, снова прилетает...
Труд Зеленоведа опекает
Стрекоза-зелёнка в блестках света...
Не отныне — с давних лет все это.
Еще зелень тела не имела,
Ни зела в земле еще не зрело,
Желчь и злато гелтасом единым
Не плескались в неманских глубинах
(И теперь — иди за Вильно в поле —
В этом поле не трава, а жоле,
Не зеленят здесь — жельтятся травы,
Тут жолинас — золото отавы).
Еще в Рейне гульт не булькнул, взболтан,
Было все ни золотым, ни желтым,
И ни в капищах латвийских — зельтсем

(Значит — златом, а слышится зельцем!),

И лоза, пружинясь, не добилаь,

Чтобы прусс сказал о ней: «Жалияс»,

И жмудин, осознавая ржавость

Рыжей белки, не воскликнул «Жаляс»,

И былинка-золка не цвела там,

Всеславянским наливаясь златом,

Как праматерь всех полезных злаков;

Еще мягким не смирился знаком

Грубый ЗЕЛ и нерасцветший жолтик,

Не прося о золоте, был желтым,

Еще жолна (дятлик тот, отзёлок,

Chlorophicus, от ствола отстволок)

По-над Влтавой жлутой жлуной сталаь,

Еще Хлоя не зазеленялась,

Не успела травяная поросль

Подсказать эллинам слово: хлорос, —

А уже в «зеленое» играла

Стрекоза со словом! И мерцало

Через мысли — домыслы природы

Робкое сиянье Зелерода.

Вот как было, вот чем завершилось,

Вот как эта песнь озеленилась!

Зеленится зелень от предвечья

В Славополье нашем, в польской Речи!

Перевод Леонида Мартынова